

A stylized illustration of a man with a horn on his forehead and large, feathered wings. He is shirtless and has a determined, intense expression. His right arm is raised, holding a curved horn. The background is a vibrant, fiery orange and red, suggesting a sunset or a battle scene. The man's wings are dark with lighter feather details. The overall style is reminiscent of comic book art or graphic novels.

ЕЛЕНА ПИЛЬГУН
АННА ЗАКРЕВСКАЯ

ПОЗЫВНОЙ ВОЛК

Елена Пильгун
Позывной Волк

«Издательские решения»

Пильгун Е.

Позывной Волк / Е. Пильгун — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939340-1

Жить прошлым не было смысла. Страны не стало, да и возврата на бrenную землю, кажется, не предполагалось. Зато имело смысл разобраться с тем бардаком, который творился здесь и сейчас. Имело смысл понять, на кого в эпоху всеобщей приватизации пашут под каменным небом, аки проклятые, ангелы Круга Третьего. Имело смысл прогуляться по чужим теням с фонариком. А для верности стоило сделать это с фонариком и огнестрелом.

ISBN 978-5-44-939340-1

© Пильгун Е.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
С	9
С	11
С	12
С	15
Глава 2	16
С	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Позывной Волк

Елена Пильгун
Анна Закревская

© Елена Пильгун, 2019

© Анна Закревская, 2019

ISBN 978-5-4493-9340-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Ангел с рассветом уходит
Кинув в ящик письмо
Ты его читаешь сонным
За десяток минут до
Будильника
Кучи дел
И еще бог знает чего
И неважно что это будет —
Черно-белая драма или части цветной раскадровки
Ангелам платят за бред,
В котором шифруют осколки
Будущего года
Настоящего октября
Специально для тебя.
А потом он уйдет на пенсию или в астрал
Тебе скажут: ты так жил, что он хотел застрелиться
А потом узнаешь, что бред в твоих снах —
Это жизнь ангела в его светлице.*

Пролог

Ввалившегося на кухню Адриэля встретили возмущенные вопли и дрожащие мокрые края маховых перьев. Сегодня в Круге Третьем шел дождь, но Адриэлю было уже откровенно плевать на причины гнева Всевышнего и отсутствие логики в декабрьском дожде. Хватало проблем и с подопечными-подопытными, а дождь все равно везде одинаков, что здесь, с каменного неба, что с хмурых московских туч. Господь уже давно не утруждал себя задачками на оригинальное созидание, все по образу и подобию.

– Опять со своей мумукался? – спросил один из двух ангелов, сидевших за столом у окна.

Сочувствия в его голосе не было ни капли. Адриэль мотнул головой и плюхнулся на свободный табурет. Расправленные крылья искрились плохо скрываемым электричеством гнева и не собирались вот так просто складываться. За подобное неблагодостное поведение можно было получить месяц анафемы и отработку в Небесной Канцелярии на должности статиста, но этим двоим Адриэль доверял. И делился пастой Гойи, когда перья совсем мызгались в грехах.

Они молчали. Адриэль снова мысленно выматерил свою девчонку, что час назад билась о стенки квартиры на отшибе Москвы, как мотылек в лампе. Из-за этой непутевой он опоздал и теперь снова гвоздь программы. Сейчас он должен будет вывалить весь ее яд этим двоим на стол а-ля натюрморт «подноготная Катерины Оверченко и две чашки нектара», но так и не узнает, что Вирт говорил Наруку, и что Нарук ответил Вирту. Какой там показатель измены? Если все уже рассказал кому-то до?

«Ну уж нет, – подумал Адриэль, наливая себе нектара и усилием воли слегка приспуская крылья, как и брови над набрякшими веками. – Ничего я вам про Катьку не расскажу сегодня. У вас у самих рыльце в пушку, а получается, что мне одному эта авантюра нужна».

– Долго молчать будем? – первым снова не выдержал Вирт. – Скоро отбой. Давайте уже рожать план и...

– Тише, брат, – Нарук слегка прищелкнул пальцами, вновь устанавливая в коммунальной кухне относительную тишину. – Адр, ты в деле? Или как?

– В деле, – хмыкнул опоздавший, на секунду отрываясь от чашки. Пойло Третьего Круга было кислой пародией на нектар. Особенно когда отхлебнул на днях контрабандного с Круга Первого, настоящего. – Только идея с умерщвлением мне по-прежнему не нравится.

Его взгляд уперся в братьев, и как раз вовремя, чтобы перехватить перестрелку их выразительных взглядов. Очень выразительных взглядов. Это было сродни телепатии – два брата, сутулые и с бычьими шеями, имевшие с ангелами на картинках рождественских книжек столько же сходства, сколько бронетранспортер с балериной, понимали друг друга без слов. Трусливая часть Адриэля поежилась. Вот так без слов его сейчас под шумок и прирежут Вирт и Нарук. Никаких проблем, кроме небольшой брешки в теологии – если ангел подышает, его душу снова на распределение и за грехи на небе – в ад? Ересью балуетесь, Адриэль, третьесортный крылатый...

– Она не умрет, Адриэль, – мягко произнес Нарук, откладывая разборки и переходя к уговорам. – Ну, ммм, физически. А метафизически... Какая в жопу разница им, есть у них прикрепленный ангел или нет. Они ж вообще живут без понятий об этом, ни сном, ни духом. А мы вычеркнем их из списков. И проблем меньше в разы. Кто там у тебя останется? Милота на милоте, знай себе зарплату получай и нектар жри. Ангельская жизнь, ахаха.

Все это Адриэль слышал уже раз десять. И прекрасно понимал, почему братья пришли с такой идеей именно к нему. У Адриэля были связи, знакомые, даже парочка должников в отделе регистрационных записей. Вась-вась, ты мне, я тебе, за бутылку нектара, ага, помню ты там с хорошенькой целовался за углом... Адриэль не собирал сплетни. Они сами находили

его. Информация шла к нему валом. О, если бы он умел ей пользоваться! Нет, все, что он мог вынести из этих нечистот, была вовсе не практическая выгода, а внутренний всепоглощающий ужас от осознания, что в каждом ангеле рядом – двойное, даже тройное дно и игра на уровне высшего пилотажа смертных.

«Может и не нужны такие ангелы-хранители вовсе?» – крамольная мысль тупо ткнулась в виски, а перед глазами в мареве нектара встало вдруг лицо Катьки. Совенок. Он так звал ее в приступах умиления – те короткие пять минут, пока девчонка сидела на краешке кровати, поджимая пальцы на ногах от холода нетопленной квартиры и тыкаясь носом в смартфон, пять минут, пока еще нет никакого локального ахтунга в ее жизни, а память не проснулась настолько, чтобы выдать наиболее горькое из вчерашней оперативки. Растрепанное чудо с синими глазищами и магнитом в пятой точке тела на неприятности.

Комок подкатил к горлу. Вирт разливался тоскливой кукушкой, что мол у тебя, Адриэль, всего одна проблемная «цыпочка», а у них с братом по четыре уголовника, а пятые – идейный инженер и художник-самоучка, и что хуже – еще неизвестно. Хотя бы этих малохолдных списать, с уголовниками хоть разобраться можно, а эти двое своими печальми запороли всю статистику, премии нет третий квартал, и вот крыло на отсечение – кто-то таких непутевых подсовывает оттуда, сверху.

Адриэль скрипнул зубами. Правы были братья, не вытянуть им таких ненормальных, которым все условия для хорошей жизни организовали, а им метания духа подавай. Мазохисты. Но и списывать вот так, потому что мы слабаки – стыдно. Им не повезло, нам не повезло. Был бы ангел получше...

– В общем, Адр, выбирай – подытожил Нарук, опасно засовывая руку за пазуху, где явно была не плоть, а металл.

Вдох-выдох. Идея, пришедшая в голову, была бредовой, но Адриэль хватался за нее, как ополовник за хрупкую рябиновую веточку. Он даже глаза зажмурил и вскинул руки, останавливая порыв братьев. Минуту, раздери вас на подушки, одну минуту! Дайте мне просчитать все слабые места в этой цепочке ангельских подстав...

– Из-за туч выглянуло солнце и огрело кукушонка, – радостно провозгласил Адриэль, открывая глаза. – Вольному воля, спасенному – что? Пра-авильно. Рай. Вот мы наших кукушат и спихнем тому, кто от них отказаться не сможет.

После получасовых объяснений – новые мысли в головах Вирта и Нарука всегда проби-вали дорогу через тернии к звездам, – три кружки с нектаром глухо чокнулись и опрокинулись до дна.

Адриэль вышел в ночь под сигнал отбоя. Спали все. Но закрутились уже колеса Судьбы на оси Случая, что везет Господа от одной колдобины до другой. И сейчас надо было лишь подложить подушки да соломки подстелить, чтобы трем непутевым кукушатам и их таким же непутевым ангелам-хранителям эти колеса не сломали хребет.

Глава 1

Тайком от всех, в тот момент, когда на всех земных часах стрелки садятся на шпагат в позе 3:45, Азеф мечтал о переустройстве рая. Мирном переустройстве, а не как в хокку одного из друзей своего подопечного: «Грохот разряда. Это в Раю взломали Облачный сервер.» Но стоило только отойти от идеи взорвать все к хренам, то сразу лоб Азефа упирался в необозримую бумажную волокиту, а крылья покрывались патиной, словно сам Господь ржал над ним во весь голос. Ржал. Да еще как. А мечты о светлом будущем, видимо, были и вовсе непростительной ересью. Не по сеньке шапка, Азеф, знай себе сиди в уютном или не очень углу Круга Третьего...

Только Азеф каждую ночь все равно мечтал. А каждое утро перед трубой Гавриила чистил от греховной патины маховые на правом крыле.

Но сегодня будильником решил поработать линиялый стриж – почтальон Круга Третьего. Стриж залетел в открытую форточку, скинул на голову Азефа плотно запечатанный конверт, после чего смылся в неизвестном направлении. Ангел-стажер поднял с подушки упавшее письмо и тихонько присвистнул.

– Лично в руки... И печать Управляющего.

Интуиция подсказывала Азефу, что разгона от начальства он пока ничем не заслужил, но радоваться всё равно рановато.

– Троих сразу? Но мне обещали только одного... Что? А... «Вас считают перспективным кандидатом, поэтому...»

Азеф растерянно уставился на список из трех фамилий, словно пытался по буквам, составлявшим их, понять, что за подопечных ему решило подкинуть начальство. Чувствовал он себя при этом почти как волк из советской «Электроники», которому надо изловить три падающих яйца одновременно. «На излом берут, – саркастически хмыкнула интуиция. – Испытания предела прочности проводятся по следующим правилам...»

Последняя формулировка явно прилетела из прошлой, земной жизни Азефа, и он попытался уцепиться за неё, чтобы вспомнить хоть какую-нибудь малость, но чистильщики памяти в раю хорошо знали свое дело, и ангела словно пинком вышибло от закрытой наглухо двери.

На уровне инстинкта, впрочем, осталась еще одна привычка: в любой непонятной ситуации пойти и спросить указаний. Ну, или в нынешних условиях – посетить Библиотеку.

Под гулками сводами было прохладно и немного сыро; запахи здесь царили самые разные – кардамон и корица, речная рыба, металлическая вонь свежей крови. Клеопатра. Иисус и Андрей. Калигула. Азеф на ходу читал указатели, мечтая скорее найти в этом царстве земных лог-файлов самого библиотекаря.

– Раздел для новичков сзади и чуть левее, – голос, едва отличимый от шелеста бумаги, долетел до Азефа с порывом свежего ветра. Ангел резко обернулся, но в проходе между стеллажами не обнаружил ни души. Оставалось последовать по указанному пути и надеяться, что существует ответ на его, Азефа, вопрос: как стать ангелом-хранителем трех подопечных сразу и не залажать ни с одним из них.

«Десять способов явиться человеку во сне: краткое руководство для начинающих». «Учим кошачий за неделю (сделай питомца подопечного своим союзником)».

«Неслучайные случайности. Искусство собирать витражи».

Вот оно.

Вытащив тонкую книгу в синем переплете, Азеф сел по-турецки прямо на пол, вдохнул еле уловимый запах лепестков шиповника (предыдущий владелец явно пытался заготовить между страниц гербарий), и принялся читать.

С

– И не забудь взять с собой тапочки! – истошный вопль матери вырвался через закрывающуюся входную дверь. Катька буквально вросла спиной в дряблый дермати́н, подпирая дверь, чтоб фраза про тапочки уж точно стала последней. Улыбка, несколько одеревеневшая, медленно сползала с лица. Дышим. Не дергаемся. Летящей походкой... И прощаться с городом.

Через сотню метров гнев с отрицанием переругались и свалили подальше, оставив только понимание. Мама, конечно, играла на Катькиных нервах с мастерством скрипача-самоучки, но и струны порой грозили порваться. С каждым годом было все интересней и тяжелей. Пластинки менялись только со сменой времен года, и был лишь один-единственный продых – где-то в звенящем и светлом апреле, когда мама не могла определиться: одеваться теплее или, наоборот, главное не вспотеть. И Катька радостно срывала с себя ненавистную шапку, размазывала шарф, удерживаясь от желания подарить его первому же встречному, и летела весенней птицей по просыпающейся Москве.

Впрочем, сейчас был декабрь. Холодный ветер не располагал к срыванию шапки и шарфа, а ситуация на работе вынуждала сотрудничать с мамой, платя дань согласными кивками на самые занудные замечания от чистки кошачьего лотка до связи крепкого иммунитета с репродуктивным здоровьем. «Хорошо, хоть обстановка в стране к декрету не располагает», – фоном думала Катька, пытаясь не слышать в словах матери взрывной смеси желания внуков и страха, что дочь принесет в подоле.

Но если и было на что-то в этом мире Катьке наплевать, так это на личную жизнь. Свеженькая выпускница журфака бредила работой... А работа бредила самокупаемостью. Главред сказал: «Ищи темы сама, да что-нибудь поумней, мы ж не совсем филькина контора», – значит, главред прав. Сладкие кусочки современного дизайна и путешествий были уже расхвачены, и Катька двинула в науку. А мама, кажется, была готова поднять любые старые связи за похваленную и съеденную тощей дочкой тарелку борща.

– У меня тут еще салатик...

– Ма-ам, – протянула Катька, выразительно глядя на телефон в коридоре.

Переговоры длились долго. В конце концов, мать дозвонилась в какое-то НИИ в Питере, где работала много лет назад по распределению. На стол перед Катькой легла бумажка с паролями и явками.

*«Святослав Федосов. Стенд «Ли́ра». НИИЭФ.
от Ниночки Згловьевой, установка «Утро».
205 кабинет, стол у окна»*

Что маму связывало с этим человеком, Катька решила не спрашивать. Есть цель, есть вектор. Есть возможность побывать в Петербурге... Все остальное неважно. Отцу она позвонит вечером, когда придет в свою однушку, он не откажется проводить на вокзал.

Катька нутром чуяла, как что-то неуловимо меняется, будто за ее жизнь взялся сейчас кто-то оптимистичный и не боящийся трудностей.

А пока... Москва. Здравствуй и прощай.

Катька шла по Баррикадной, уставившись на шпиль сталинской высотки. Напрасно: один раз едва не грохнулась, споткнувшись о бордюр недоделанного тротуара. Пришлось смотреть под ноги да по сторонам, на бурлящее варево повседневности, изредка вскидывая взгляд к молчаливым и строгим вершинам ушедшей эпохи. Такой она придумала себе маршрут – от Кудринской площади до Киевского вокзала.

Арбат встретил Катьку всем, чем был богат, словно на самом деле хотел проводить её. Из закусных в морозный воздух струились дивные ароматы пережаренного в масле мяса, над ними царили бластные гитарные аккорды с претензией на Цоя, за углом трое звонко чокались и пили прямо из горла, а совсем уж тихо – слышащий да услышит – раздавалось шамканье пожилой учительницы: «Книги!.. Купите две – третья в подарок».

Встречные мужчины глядели на Катьку оценивающе, но быстро сникали: во-первых, ясный полдень не давал таких прав, какие обычно даёт синюшный, подсвеченный фурацилинном фонарей вечер, а во-вторых, из открытых частей тела у Катьки сейчас были только глаза. И глаза эти советовали проходить и не задерживаться.

«Интересно, а в Питере такой же бардак, или там, типа, культурная столица?» – подумалось Катьке, но эту мысль она додумать не успела. «Москва будущего» – словно услышав Катькины мысли, Арбат подкинул ей кое-как слепленный стенд с разнокалиберными значками. Заметив интерес девушки, тощий пацан-альбинос высунулся из-за стенда, приглашающе кивая ей и всячески демонстрируя готовность услужить. «Немой», – дошло до Катьки, и она не стала смущать парня, переключившись на товар.

«Товар» был эпичен. Звездолёты над Кремлём, пятиуровневые развязки над площадью трёх вокзалов – это было взрывное смешение фантастического, но уже свершившегося на Западе настоящего а-ля «Звёздные войны», и трогательной, никому не нужной, но всё-таки не похороненной окончательно советской веры в светлое будущее.

– Мне, пожалуй, вот этот... нет, вот тот! – заметалась у стенда Катька, одолеваемая желанием унести с собой всю экспозицию и паренька в придачу. А ведь и правда смешно: туристы вот увозят с собой на память прошлое первопрестольной, а она, коренная москвичка, заберёт с собой в другой город её – чем чёрт не шутит – грядущее.

Мятая пачка бумажной мелочи перекочевала в барсетку альбиноса. Грея значок в ладонях, Катька ретировалась с Арбата и через арку Смоленской вынырнула обратно на простор Новинского бульвара.

У гостиницы «Украина» снимали какой-то фильм. Интересы ради Катька поглазела немного на работу съёмочной группы (родилась бы мальчиком – пошла бы на операторский, управлялась бы сейчас с камерами одной левой). Снимали криминал: у входа прозвучала пара холостых выстрелов, один из актёров картинно распластался на ступенях лестницы.

– А то мало нам стрельбы, – поморщилась Катька и свернула на набережную, не оборачиваясь больше.

Празднуя выходной, кучковались на льду рыбаки; если убрать их, оставив только проделанные лунки, то казалось, что по заснеженному льду кто-то тоже прицельно стрелял с небес. На том берегу, чуть в стороне от Экспоцентра, затевалась масштабная стройка, экскаваторы лениво месили грязь в котловане. Машинально Катька подняла перед глазами руку с купленным значком: под синим небом стеклянная башня в сто этажей, а утреннее солнце простреливает её навывлет. Секунда – и осколок чужой мечты встаёт, как родной, на место развороченного пустыря.

– Вот бы такую тут и построили, – выдыхает Катька, улыбаясь непонятно чему.

С

Приветственного бокала амброзии – отчего-то Азеф сразу признал в ней настоящую, с Круга Первого – было явно недостаточно, чтобы захмелеть, но в самый раз для того, чтобы возмечтать о постоянной прописке на этом круге. Отряд встрёпанных и растерянных стажёров ловко распихали по боковому ряду, и собрание началось.

– Добро пожа-а-аловать! – перекрывая шорох складываемых крыльев, разнёсся по залу голос Наставника. – Всякий раз я вижу, какие вы разные, и всякий раз не устаю благодарить Господа нашего, что мы – одна команда!

Это был код, команда, триггер, одна из невероятного множества условностей ангельского мироздания. На автопилоте Азеф сомкнул ладони, опустив очи долу, и попытался сказать мысленное «спасибо» тому, кто ни разу не соизволил лично явиться на собрание. «Дурак! Тебе даже не под силу представить, как Он занят! – взвилась в праведном гневе богобоязненная часть Азефовой души. «Да насрать ему на вас, а на людей и подавно!» – не остался в долгу прежний, недобитый Азеф, воинствующий антитеист и скептик восьмидесятого уровня.

– Оставим романтические сказки про ангелов-хранителей поэтам девятнадцатого века, – вещал Наставник. – Стоит идти в ногу со временем. Итак, каждый из вас с сегодняшнего дня становится Куратором для своего подопечного... или подопечных.

Азеф разомкнул ладони и прикрыл глаза. Собрания хороши были тем, что в их белом шуме можно было затеряться, оставшись со своими мыслями и не отключаясь при этом от общего ментального пространства. Плохи собрания были по этой же причине: создавать «покровы» для шальных птиц в собственной черепушке стажёр ещё не умел, и потому опасался, что для старших ангелов подобен препарированному мотыльку на лабораторном стекле.

– От стараний Куратора зависят успехи подопечного, – тут Наставник внезапно подмигнул не то Азефу, не то его соседу, – и... ну-ка, вы уже догадались! – от успехов подопечного зависит ранг и вознаграждение Куратора! Так что не выбирайте себе кого попало. Ну, а если чувствуете, что дело совсем безнадежное, всегда можно выбрать другого подопечного. Это конечно, скажется на вашем рейтинге...

– А прежнего куда? – не удержался сосед Азефа, тощий парень с густой каштановой шевелюрой. – Разве можно людям без ангела?

Кажется, ангел спросил пространство чуть громче, чем положено при риторических изречениях, и наставник немедленно обернулся в его сторону.

– Вы правы, э-э... Владислав. Нельзя людям без ангела. Но пока набирайтесь опыта с теми, кто полегче. А что до особо сложных случаев...

В зале вдруг повисла тишина, и в этой тишине у кого-то в заднем ряду с сухим коротким треском перегорел нимб.

– Сложные случаи мы ведём отдельно, – дёрнув выщипанной бровью, одним махом выдал Наставник. – Они пригодятся вам... чтобы сдать экзамен. На Круг Второй.

С

Шорох снега по стеклу заставил Алека вернуться в реальность. Реальность была странной. Потерявшийся во времени и пространстве, Алек скользил взглядом по полутемной комнате так, как будто видел ее впервые. Неужели здесь, в клетушке на Маяковской – о, не все так плохо, он еще помнил адрес, – прошел весь ноябрь и, ммм, двадцать один день декабря? Неужели он сумел работать в этом хламовнике, где уборка была последним делом, на которое стоило тратить драгоценные секунды? Ехидная часть Алека, неубиваемая и вечно молодая, обратила внимание на норовящие слететь брюки и поправила, что последним делом была не уборка, а еда. Алек тихо хмыкнул и потянулся всем телом, хрустя позвонками. Брюки пришлось ловить в полете.

Долгая Ночь в Питере, имеющем за год от силы пятьдесят солнечных дней (и все не в ноябре), уже давно стала насмешкой над природой. И Алека Бесщастнова, художника без роду, племени и заказов, такое мироустройство уже даже не удивляло. Ночь – она и на Маяковской ночь. Зажги свет, забаррикадируйся, не выходи из комнаты, не будь дураком, будь тем, чем другие не были... Бродский драл горло, но первые слова были лишними. Чужими. Алек стиснул костяшки пальцев: включить в этой комнате что-то большее, чем настольная лампа, значило отчеркнуть, подвести итоги, оценить результаты работы... И что дальше? Снова пустота?

«Не пустота, а дьявол знает какая попытка получить хоть немного денег за свои...», – ехидна внутри осеклась и зажмурилась вместе с хозяином. Свет оранжевыми всполохами поселился под веками. Слабак, подумал Алек. Слабак классический как есть, убегающий от собственных демонов, нет, ангелов, прости меня, мой внутренний атеист.

Они врезались в сетчатку распахнутых глаз. Расставленные под самыми разными углами прямо на полу у всякого барахла, полученного путем нехитрого бартера у знакомых, они толкались, перебивали друг друга, сходились в единый мир и тут же аннигилировали в пропасть мазков и цветовых пятен.

Вдох – выдох. Алек словно за двоих дышал сейчас в ярко освещенной комнате и смотрел на дело собственных рук. Холсты были живыми, не хватало только щелчка пальцев, чтобы раскадровка из Ангелов Дождя, Пыли, Глубины, Руин и всего остального превратилась в двадцать с лишним фильмов. Критик внутри Алека медленно и печально вешался, а творец потрясенно матерился. Вот оно, сырое мясо, радость от успеха, от ничтожного, никому не нужного успеха, с которым ты завтра с утра пораньше пойдешь на Невский проспект... Где развесишь это безумие между чужих березок, заезженной луной над Исаакием и симпатичными зимними закатами.

– Кому это нужно?

Вопрос повис в воздухе, как тот самый критик-удавленник, но не получил ответа.

Алек потер перехваченное горло, оторвался от странных фигур, горделивых в своих масляных одеждах, и полез за старый пыльный сервант. Рулон оберточной бумаги, вытащенный из черной дыры под кодовым названием И-Эн-опять-двадцать-пять, тоже был не в меру пыльным – Алек слишком давно не «выходил в свет».

Под возмущенное шипение напуганного И-Эн, черного котика размером с Булгаковского Бегемота, на пол со стола полетели выжатые до нуля тюбики с краской, огрызки бумаги, карандашные наброски, иногда казавшиеся на порядок живее того, что выходило на холсте, да всякая дрянь вплоть до пустых пузырьков из-под капель от насморка. Мысль о том, что уже через час он об этом пожалеет, ибо непременно навернется на каком-нибудь тюбике, благополучно миновала центр управления полётами в голове Бесщастного. Дрожащие руки рвали бумагу на косые полосы, повинуюсь звенящему внутри приказу закрыть, запаковать, закончить.

ЗА-. Зорчие, но не зрячие ангелы, опередившие фантазию мира лет этак на двадцать, скрывались под слоями коричневых шуршащих покрывал, чтобы раз и навсегда остаться зимовать на Невском проспекте. Ибо кому это нужно?

Развернувшись за последним холстом, Алек забалансировал на остатках кармина и серой пэйна. И-Эн, наблюдавший за действием с диванного подлокотника, с трехэтажным мявом шарахнулся в сторону, открывая сектор падения. Художник за долю секунды прикинул, что ему уже двадцать восемь, позвоночник давно похож на частокол, очень кривой и зубчатый, а шея ему еще пока дорога как штука, на которой есть не самая дурная башка в этой сумасшедшей лихой стране, а посему... Падать так падать. Только в краски лицом, в краски... И когда я ел последний раз вообще-то? И что?

Тело отработало детские рефлексy с катка, сделало красивое сальто Пизанской башни и рухнуло аккуратно перед последним холстом. Что-то серебристое блеснуло на самой границе обзора, но Алек, уже вскочивший на ноги, крепко сжимал в руках того, кому секунду назад так своеобразно поклонился. «Shateiel, Angel of Silence». Ангел Тишины, значит. Под язвительные комментарии внутреннего «Я» Алек прищурился на женскую фигурку с соблазнительными формами («Фрейд по тебе плачет, Бесщастнов»), едва прикрытыми лазурным покрывалом и перышками («новые русские купятся, как же»). Она сидела на одинокой скале, выше заснеженных макушек сосен, и редкие белые хлопья робко касались изогнутого медного рога, выходявшего из-под капюшона. Тщетно пытаясь скинуть наваждение, Алек перевернул холст и пробежал глазами текст, накарябанный им самим в одну глухую ноябрьскую ночь: «Когда слова бессильны, ветер умирает, и земля уходит на покой, спускается Шатиэль. Новый аспект всего, к чему прикасается этот неуловимый ангел, проявляется в неподвижности. Все окружающее пространство обретает новый смысл под влиянием его присутствия. Не надо бояться, неподвижность редко длится долго. Самое время остановиться и уделить внимание тишине».

И тишина была. Она гасила шорох оберточной бумаги и хруст мусора под ногами, она ватой залепила уши Алеку и словно поместила его уставшее от этой гонки сердце в криогенную камеру питерской зимы. Со странным спокойствием он сложил упакованные холсты стопкой, вытащил из недр стола черный маркер и нацелился писать ценники. Занятие неблагодарное и мучительное, а главное – бесполезное, как верно заметил утром сосед-художник, с которым они вскладчину решили арендовать одну вертушку возле Базилики, ибо «утром напишем одно, а вечером это окажутся копейки, пока мы тут торчим». Нет, рубль уже не падал так эпично, как в прошлом году, но вот, скажем... Алек прикусил губу. Тишина исчезала, он хватался за нее с упорством утопающего, но арифметика была беспощадна. Тот, кто мог позариться на картины, должен был прекрасно сводить концы с концами в этом сумасшедшем доме под названием Россия, зарабатывать со всеми зарплатами и халтурами хотя бы миллион, что равнялось примерно двумстам долларам или чуть меньше. «А тебе сколько надо вообще? Кошак не кормленный уже двое суток», – напомнила ехидна, но Алек подвис. Из ориентиров был только ценник на сигареты LM в пятьсот рублей. Бродский, говорили они. Не выходи из комнаты, не совершай ошибку.

Подумав еще немного, Алек вывел маркером на верхней обертке «100 т.р.», коротко матюкнулся и стянул всю стопку бечевкой. Смешные деньги по нынешним временам. Да и ладно, все равно ни одной не продать.

Но ехидна, поддерживаемая пустым желудком и вопящим на кухне И-Эн, не сдавалась. Она била наотмашь и с оттяжкой. Ну что, художник от слова «худо», есть хоть что-нибудь в этой комнате, достойное желанного миллиона деревянных? Есть чем зацепить мимо-проходящего-кошелек-держашего, а?

Алека откровенно вело в сторону, но он все-таки залез в шкаф и вытащил оттуда свои ранние работы, не глядя сгрузил на стол и завернул в остатки бумаги. Что там было – он даже

не смотрел. Наверняка еще московские зарисовки под руководством Учителя. А ты ведь чуть не стал архитектором, Алексей Бессчастнов. Вот жизнь была бы у Тхора под крылом...

Наконец все было закончено. Даже огрызок ливерной честно разделен с котом пополам, благодаря чему были спасены комнатные тапки. Но что-то маленькое не давало покоя, и прежде чем погасить свет, Алек снова опустился на колени, шаря рукой в бардаке на полу. Что-то здесь было, что-то важное. Позвонить бы в таком случае, как обычно, Святу, пока болтал – само нашлось бы, да только поздно уже, неприлично, второй час ночи, а Свят ложится рано теперь. Военный заказ, не шутки.

Палец резко рассадило до крови.

– Твоя пропажа – моя находка, – прошептал Алек, вытягивая из мусора серебристую визитную карточку. – Александр Двенадцатый. Гадания, таро, снятие порчи. Телефон, адрес, Москва... Ангелариум.

Короткий смешок был горьким, как масло на прилавке магазинчика за углом. Память лопатами выкидывала то, что художник эти два месяца так старательно забывал, а именно: все эти Зорчие на холстах в количестве двадцати пяти штук – не его, Бессчастного, идея. Если хорошо порыться в столе, то там найдется подробнейшее ТЗ от этого самого Двенадцатого: на колоду таро с ангелами в весьма специфическом исполнении – хвостатыми, пернатыми, рогатыми, безногими... И обязательно незрячими. Это была фишка. Но после первой карты Двенадцатый промямлил что-то вроде «отлично, но не моя рисовка»... Боги, промолчать бы тогда, стерпеть. Делать дальше и получить свои пять миллионов, и это по прошлогодним-то деньгам. И ведь никто не прогонял тебя, идиота. Сказал бы «я художник, я так вижу», и договорились бы. Гордость сами знаете кого сгубила.

Попытка скормить коту визитку, остро пахнущую ментолом, вместе с авторским правом, не удалась. Алек тихо и беззлобно ругнулся. Оставался только один способ завершить проект и все-таки выйти из комнаты.

Снег шуршал по стеклу и таял на подоконнике. А во тьму вместе с визиткой летели и белые листья чужого технического задания, и старые планы, и долгая ночь. Жизнь неуловимо менялась, и кто-то смеялся с Алеком над ней вторым голосом.

С

На левом запястье Азефа, под не в меру длинным рукавом, мягко светились три браслета. На первый взгляд казалось – пустая безделушка, какими любят украшать себя юнцы-без-году-неделя, которым до золотых нашивок как до Луны. Но Азеф свои браслеты напоказ не выстав-лял. Более того, он их прятал от не в меру любопытных взглядов.

Екатерина Оверченко. Солнечно-желтый с рыжими искрами.

Святослав Федосов. Глубокий зелёный с алой полосой посередине.

Алек Бессчастнов. Пепельно-серый с единственным пятнышком лазури.

Сложнее всего Азефу далась цветопроба. Сколько он ни напрягался, но цвета ауры своих подопечных увидеть не мог, а книжка про витражи на этот случай ничего поведать не могла. Идею подбросил Влад – тот самый кудрявый стажёр, которому после собрания вле-тело за «нарушение субординации во время речи старшего по званию».

– Ты пытаешься влезть в них, как в чужой скафандр, – сказал Влад, стараясь не рассме-яться при виде тужащегося Азефа. – Отставить штурм. Попробуй стать для них зеркалом.

Азеф выдохнул, закрыл глаза. И был свет. Три тонких луча, в которых пульсировали отпечатки личностей подопечных, свернулись кольцами на его запястье. Влад не удержался от шалости, выбил на каждом из браслетов клеймо.

– Авторское право, оно и в Раю авторское право. «Хай-тек и нимбы». Как тебе копирайт, Азеф?

– Я только что по твоей наводке вот так легко сделал слепки их аур. Как ты думаешь... – Азеф наморщил лоб в попытке поточнее сформулировать верткую, как бесхвостая ящерица, мысль. – Они что-нибудь при этом почувствовали?

В глазах кудрявого Влада заплясали искорки, но смеха Азеф так и не дождался.

– А сам ты как думаешь, они нас чувствуют, и чем им это грозит?

Азеф осторожно промолчал. Мало ли что. А про себя подумал: «Знал бы ты, как я боюсь, что они нас чувствуют и однажды попытаются к нам прикоснуться...»

Глава 2

На высоте было скользко и неудобно. Азеф, закутанный в свою давно уже не первой свежести тогу, поджал ноги и совсем по-стрижиному уцепился за натянутые вдоль проспекта провода. Тупая мысль, что ты ж нечто метафизическое, как тебе может быть страшен холод, снег и ветер с Невы, не возымела контроля над чувствами. Скорее наоборот – раз метафизический, получай по полной свистящий пробой ветра в груди и дрожь... Азеф прикинул, есть ли у него сердце. Хм. Если говорят, что тело оставили такое же, как когда умер, то наверно и сердце там тоже имеется. Если есть сортиры в общежитии, то все логично, хотя...

В следующую секунду стажер чуть не сверзился на проспект и едва успел ухватиться за скудные новогодние украшения на ближайшем фонарном столбе. Нехилый импульс от желтого браслета на руке снова прошел руку, отдавая куда-то в левое подреберье и кончики маховых. Азеф скосил глаза на свои маяки фирмы «Хай-тек и нимбы». Катенька была рядом, и чем ярче сияло ее золото, тем сильнее светилась лазурная искра Алека Бессчастливого.

«Тщательное запланированное счастье внезапной встречи», – мельком подумал ошарашенный Азеф, ища в толпе на тротуаре своих подопечных. Вот тебе и ангел-хранитель. Все колдовал, чтоб у художника хоть что-то кто-то купил, а то уже не лазурь стала на браслете, а так, хорошо разбавленный кобальт, как вот тебе, решение свыше. Крамольная идея пустить все на самотек, ибо все решают за тебя, отозвалась настоящей болью от быстро чернеющего пера на правом крыле. Ах ты ж...

Катька фланировала по тротуару с мастерством московского аса, тщательно избегая хвостов очередей за табаком и сапогами. Кожаная куртка на размер больше чем надо бы – мама так оптимистично намекала на прирост плоти если не от «хорошей» жизни, то на последующее прибавление в семье, – скрипела в такт шагам. Ну и ладно. Такая мода нынче. Скрипеть.

Мозги у девчонки, перегруженные информацией по самое не балуй, тоже скрипели. Попытавшийся нырнуть в этот хаос впечатлений Азеф был тут же вышвырнут на свои провода. Пробарахтаться в голове подопечной удалось всего пару секунд, но что-то смутно знакомое он там уловил. Здание на отшибе Питера. Проходная, железки, цеховые пролеты... Азеф закусил губу и с силой потер виски. Некогда, не сейчас, не успеваю, потом, но божественные херувимы вас раздери, эта девчонка явно имеет девиз «все вышло из-под контроля». Когда она успела там побывать?!

Раз, два, три, раз, два, три... Катька почти вальсировала в толпе, и заледеневшие петербургские дамы осуждающе смотрели ей вслед. Затанцевать по-настоящему девчонке мешал только страх перед карманниками, практически безосновательный, ибо вору тогда пришлось бы накинуться с весьма недвусмысленной целью на юную журналистку прямо здесь, на Невском проспекте. Москва такая Москва, жить захочешь, и в трусы спрячешь командировочные. А пока обойдемся нагрудными карманами.

Азеф, тело которого внезапно вспомнило венский вальс и элемент «до-за-до», изящно крутанул девчонку на клочке свободного пространства, невидимой завесой крыльев создав нужный порыв ветра. С искрящимся смехом Катька поймала волну... И едва не снесла ближайшую вертушку с картинками. А на выходе из этого па ее уже ловил Алек Бессчастнов.

«Сообразим на троих», – усмехнулся Азеф, принимая чужие правила игры и откладывая на потом вопрос о том, кто решил, чтобы эти двое встретились. А еще интересно бы узнать, как предыдущий хозяин, тьфу, ангел, справлялся с этой маленькой оторвой.

– Простите, я чуть было...

– Чуть-чуть же не считается, верно?

Браслеты на руке Азефа искрились как предновогодний проспект. В голове стажера играл венский вальс. Да к демонам весь этот мир! Всю эту страну, живущую бартерами и очередями,

эти талоны и ваучеры, за ночь добавляющиеся нули к ценникам и зарплатам... Азеф ловил себя на мысли, что потерял для земного мира раз и навсегда. Он не знал, не понимал, не предвидел иногда простейших вещей. Словно отрубили ему модуль логики, оставив только интуицию. Да он, если хотите знать...

– А это ваши картины? – робкий вопрос классического постановочного знакомства.

– Мои. Вам нравится?

...чувствовал себя порой беспомощней своих подопечных, хотя и пробыл с ними рядом пока от силы трое суток. Они как-то жили, выкручивались, а он и сунуться боялся к ним все-речь. А зачем? Катька вот каким-то макаром нашла сюжет для серии репортажей. Святослав еще не сгорел на своем заказе до Азефа, наверно, не сгорит и после. Алек нашел в себе силы закрыть проект и выйти с картинами на люди. Зачем я вообще им нужен?

– Это ангелы?

Заиндевелый багет. Касание замерзших пальцев. Взрывающийся в сонной пульс художника, которому уже, кажется, все равно, купит эта маленькая, едва оперившаяся девчонка в черной куртке с овчинкой хоть одного из Ангелариума или нет. Он родную душу нашел в этом сумасшедшем мире!

– Ну, я еще тот атеист, но пофантазировать ведь можно... Хотя кому это надо. Вам они нравятся? Правда? Любого выбирайте.

А вот тут уже Азефу стало не до самобичевания. Уж больно знакомой была эта интонация и радужное пламя от синего до красного, полыхнувшее сейчас от художника в сторону Катьки. Раздари все идеи, вещи, мысли. Иди налегке или сдохни на месте, что для тебя проще?

То ли Катька услышала мысли напрягшегося ангела, то ли сама вдруг увидела вектор стоящего рядом человека, но веселье с ее лица резко схлынуло, оставив слегка окаменевшую улыбку. Наверно, подсчеты финансов и дятел в виске, что еще надо тетке за квартиру что-нибудь оставить, слишком четко проступили в фонарном свете на лбу Катьки, потому что Алек качнул головой и грустно улыбнулся.

– Я просто так отдам. Выбирай... те.

Катька, сдавшаяся на милость побежденного, подошла к картинам ближе. Азеф, от которого тут уже *ничего* не зависело, поиграл крылом, кидая шальные оранжевые блики на застывшие фигуры Зорчих. Извращенцы эти художники, вот что. Нет таких ангелов на небе, с горечью подумал Азеф. Нет ни в одном круге. Все с глазами, обычными телами и вообще... почти люди.

Девчонка присела на корточки перед самым нижним рядом картин и вдруг подорвалась из положения сидя с каким-то нечленораздельным воплем.

– Вот это... Это ваше?!

Азеф едва не стукнулся лбом с Алеком, нырнув к указующему персту девчонки. Дешевая деревянная рамка, белая бумага под стеклом с переплетением черных линий туши и акварельных пятен. Явно сделана давно, но решительно, как и Ангелариум. Словно это тоже не будет никогда существовать, и можно фантазировать на двести процентов. Высокое здание до самых облаков, напоминающее кристалл какого-то минерала. Сеточка опорных каркасных линий, четких и строгих, бьется острыми углами об акварельную растяжку расцвета над рекой от бледно-желтого до синевы, а зеленые пятна деревьев у основания только подчеркивают величие башни.

Алек быстро глянул на взволнованную девушку, судорожно роющуюся в сумке. Азеф, который вообще ничего уже не понимал, внаглую вперся в мысли художника, но там было лишь недоумение и растерянность.

Через долгих полминуты в ладонь художника лег круглый значок. С копией той самой зарисовки под стеклом. Алек, щурясь, рассматривал в неверном свете вещдок нарушения

авторских прав, а Катька, сбиваясь и с трудом подбирая слова, рассказывала, как она это нашла в Москве на сувенирном развале в начале Арбата.

Если бы Азеф курил, то уже давно бы стоял рядом с сигаретой. А так оставалось только грызть ногти и прикидывать, к кому бы обратиться за консультацией по поводу судебного разбирательства в современной России. Хотя, конечно, стоит посмотреть по сторонам и сразу станет ясно, что авторское право – это последнее, чем займется здесь судебная система на досуге. Лет этак через тридцать.

– Пару лет назад я жил и работал в Москве, – тихий голос Алека с трудом перекрывал гомон вечернего проспекта. – Случайно попал по студенческим связям в «Моспроект-2», к Тхору Борису Ивановичу. Он стал для меня Учителем... – Алек вдруг оборвал себя, словно и так открыл лишнего, и дернул молнию на куртке, подставляя грудь ветру с Невы. – Я делал зарисовки к его проекту Делового центра. Ты же из Москвы, должна была слышать. Деловой центр. Сити. Небоскребы на излучине реки. Все пальцем у виска крутили, а мы рисовали эти вот аметистовые кристаллы. А проект стопорили раз за разом... Вот он и отпустил меня. Сказал возвращаться, когда дадут добро, а сейчас не терять времени. Только толку. Зорчих вот нарисовал.

Метель несла им обрывки песен Цоя, что играли за спиной, на канале Грибоедова. И все вокруг было настолько ирреальным и невозможным совпадением пространства, времени и дат, что на Азефа накатило странное оцепенение вселенского счастья. Что он этим двоим? Браслеты на руке аж жгутся и стремятся перепрыгнуть через тусклый зеленый Святослава Федосова. Сейчас Катька выудит из нагрудного кармана деньги, целомудренно отвернувшись от художника, заплатит за эскиз, как бишь ее, башни «Россия», он еще ей ангелов надает в благодарность...

– Алек.

– Катя.

– Ты в Питер надолго?

Порадуйся за них, Азеф, ангел-стажер Третьего Круга Блаженства. Порадуйся да и все. Они справились без тебя, но значит ли это, что ты им не нужен?

С

С упорством проходческого щита под Москвой-рекой Влад стремился связать воедино все пункты своих отрывочных знаний об ангельском мироустройстве.

– Будь ты человеком, давно бы уже посадил зрение на пару-тройку единиц, – прокомментировал невидимый Библиотекарь, выдёргивая нужную книгу с уютной полки. – Не в меру любопытен ты... стажёр. А-а, или на этот раз вам с товарищем библиотеку в качестве нагоняя впаляли?

Пошатнувшись, Влад подхватил увесистый фолиант и, отвесив признательный поклон пустому пространству, отчалил к дальнему столику. Азеф уже ждал его там, неторопливо догрызая сухую вермишелинку.

– Сегодня мы, аки злостные опоздуны на лекции, ботаем ранговую систему Трёх небес, – с нарочитой беспечностью сообщил кудрявый ангел. – Кратко: это когда три птички сидят на ветках одна под другой, и решают срактнуть одновременно: угадай, какая из них больше всего в чужом дерьме будет выпачкана...

Азеф тоскливо глянул на фолиант. Вопросов у него было по самую маковку, а усидчивости – жалкая пара крошек. Оглянувшись по сторонам – так, на всякий случай – Азеф склонился над книгой и тихо выдохнул:

– Ну, может, ты мне научно-популярно сам расскажешь, умник, почему у некоторых ангелов с высших кругов на крыльях золотые нашивки, а? Напоминаю, у нас через неделю первый зачёт по теории, а я что-то не заметил, чтобы мы хоть одну книгу до конца дочитали...

Влад картинно вздохнул и закатил глаза.

– А истина не в книгах, Азеф. Чем читать, лучше бы ты к этим ангелам пригляделся. Точнее, к их подопечным. У них жизнь – словно дедлайн на форс-мажоре едет и ахтунгом погоняет, а всё почему? А потому, что их ангел – отменный режиссёр, и ведёт их по краю, выбивает искру самую яркую, какую только возможно. Это, знаешь ли, искусство – помочь подопечному выложиться на все сто и не угробить его при этом. Вот эта искра и есть нашивки...

Тихое, но настойчивое кашлянье невидимого Библиотекаря напомнило стажёрам, что помещение, во-первых, прослушивается, а во-вторых, всё сказанное дотошно анализируется местным этическим комитетом на степень благолепия, коего в речи Влада явно было недостаточно.

– ...Только, друг мой Азеф, – склонившись над закрытой книгой ещё ниже, одними губами прошептал Влад, – бывает чистое золото, а бывает... так, позолота. Помочь и заставить, сечёшь разницу?

– Ты ещё скажи, что демонов не существует, – в тон ему откликнулся Азеф, но Влад внезапно кивнул.

– Не существует. Зато каждый ангел отбрасывает тень, и чем ближе к господнему свету, тем она черней. Пойдём отсюда на свежий воздух, а?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.